

Марова Н.Д.

Екатеринбург, Россия

**ПРОБЛЕМЫ ТЕАТАЦИИ
ТЕКСТА**

Аннотация. В статье представлены проблемы театации - введённого автором понятия для обозначения ментального процесса, который рассматривает своеобразие видения в тексте как его ценностный статус, конституируемый интерпретацией.

Ключевые слова: *театация, своеобразие перспективы, ментальное зеркало видения, ценностность, интерпретация.*

Сведения об авторе: Марова Нина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, к. 462.

e-mail: nina.marova@yandex.ru

Marova N.D.

Ekaterinburg, Russia

**PROBLEMS OF THE
THEATATION**

Abstract. The article deals with problems of the Theatation – the concept introduced by the author for the denote of a mental process, that regards the peculiarity of the perspective view in the text as individual valuability of its status, performed by interpretation.

Keywords: *theatation, peculiarity of the perspective, mental mirrow of view, valuability, interpretation.*

About the Author: Marova Nina Dmitrijevna, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of German Philology.

В настоящей статье рассматривается ряд актуальных проблем, которые встают в связи с введённым нами в языковедческий дискурс понятия «театация» (от греч. *θέα* [*théa*] «вид, взгляд, зрелище») для обозначения ментального процесса, полагающего *своеобразие видения*, проявляемого в тексте, в качестве признака его *индивидуально-ценностного статуса*, конституируемого путём *интерпретации* [Marova 1993: 124-127; Марова 2006: 48-53; Марова 2013: 78].

В каком плане здесь приходится говорить о проблемах? Этимология слова «проблема» (от греч. *πρόβλημα* – *собст.* «брошенное вперёд, поставленное впереди») содержит значения: «помеха, препятствие; предлог; предложенное, задача». Эти сознания выражают в самом общем виде семантику предположения, предусматривающего и востребующего своего обдумывания, рассмотрения, разбирательства и утверждения. Проблема ставит вопросы, требующие ответа и решения. И такая вопрошающая деятельность освящена, по выражению Мартина Хайдеггера, спасительными путями, «...Ибо вопрошание есть благочестие мысли» [Хайдеггер 1993: 238].

© Марова Н.Д., 2014

Какие же *вопросы* необходимо ставит введение *понятия театации*? Прежде всего, заставляет задуматься его семантическое наполнение, диктуемое условиями его категоризации. Как *термин*, театация обнаруживает семантическое родство с категорией *видения*, которая, в принципе, допускает беспредельное расширение своих семантических границ, начиная от представления чувственно-оптического восприятия мира и уводя в безмерную бесконечность метафизического отношения к миру. Возрастая семантически и обрастая различными контекстами, понятие видения становится всеобъемлющей *метафорой восприятия вообще* и переходит из области изначально «телесной» в область ментального, включая душевное и духовное.

Но является ли театация просто синонимом «видения вообще»? Если вникнуть в значение исходного греческого слова, то становится ясно, что оно имеет своё собственное семантическое поле. Анализ данных словарей современного и древнегреческого языка позволяет выделить *семиологические особенности* этого слова, которые можно положить в основу предлагаемого нами понятия театации.

Обращает на себя внимание, что греч. «*θέα* [*théa*]» имеет значение не вообще процесса видения, а *умственного* зрения особого рода. Недаром от этого корня образовано слово «*театр*», вызывающее целый спектр слов, связанных с восприятием театрального действия. Эта семантика предполагает взгляд на воспринимаемый объект как на *зрелище*, как на некую разворачиваемую *картину*. Поэтому объекты умственного видения, в нашей терминологии «театации», воспринимаются не просто как объективно данные физические явления, они уже ментально обработаны, «говорят» что-то, т.е. уже подвергнуты видению. Таким образом, *объектом театации может быть только ментальное и текстоментальное*, рассматривающее текст в аспекте выражения им ментального акта (о так называемых текстоменталиях см.: Марова 2003: 86-87).

Кроме того, следует учитывать также то обстоятельство, что в процессе театации воспринимаемое тематизируется не только как *ментально* пронизанное действие, но и как видение, индивидуализированное *перспективой* некоторого субъекта, творца видения. Вспомнив шекспировский тезис: «весь мир – театр, и мы – актёры в нём», можно сказать, что воспринимающие субъекты обязательно присутствуют в продуктах видения, выступают в них в роли действующих лиц, привнося в них перспективу, определяемую их *точкой зрения*. Поэтому театация, будучи процессом, превращающим воспринимаемый мир в умственное зрелище,

включает в себя также понятие *своеобразия видения*, мыслимого как *имплицитно присущее любому текстоментальному акту*.

Но это положение, принятое за основу исходной проблемы, порождает следующий вопрос. Известно, что перспектива, вызывающая в сознании *изменённость* воспринимаемого объекта в зависимости от точки зрения наблюдателя, является универсальным законом восприятия вообще. Тем самым её необходимо признать *субстанциональным основанием* любого ментального процесса, а отсюда следует, что *перспективообразующим антропоцентризмом* и *индивидуальным своеобразием* должен обладать любой текст. В чём же в таком случае специфичность именно театации?

Для ответа на этот вопрос уместно напомнить, что фрейм «театральной зрелищности», который выступает объектом и предметом театации, невозможен без понятия *зрителя*, и что в понятие «театр» входит не только семантика самого зрелища и игры актёров в нём, но и момент *умозрительствования* этого представления, т.е. присутствие *умственного зрителя*. Данная истина требует дополнения к семантической картине понятия театации как «*thea*»: если «*весь мир - театр*», то мы, его зрители, должны особым образом *осмысливать* это явление нам умственное зрелище. «Театирующий» субъект, или, иначе, *теататор* – это не просто наблюдатель, беспристрастно фиксирующий и идентифицирующий данное. Для теататора, воспринимающего ментальное как органическую необходимость его совершенного воплощения в некоем текстовом субстрате, эта двусубстратность своеобразия, её *вид*, её *облик* в категориях взаимодействия и взаимопротиворечивости *формы и содержания* каждого данного текстоментального акта, обладает *весомой значимостью и особым смыслом*.

Так семантический комплекс понятия театации приобретает ещё одно измерение – *ценностность* ментального продукта, как имеющего свой собственный, неповторимый характер. Это значит, что *ценностность ментального полагается в самом акте его индивидуального протекания и существования*. Следует добавить, что в это восприятие непременно включается и субъектность перспективы самого теататора, отчего семантика зрительства не только сохраняет, но и усиливает влияние перспективного фактора, а, следовательно, обостряет элементы *трансформированности видения*, пополняя этим данную картину видения и расширяя её иным, новым горизонтом.

Таким образом, именно *семантика умозрительства определяет специфическую область театации, и именно её можно полагать ведущей в структуре понятия театации*.

Отсюда следуют другие, важные для нашей концепции, проблемы. Во-первых, театация становится в этом понимании *мета-видением*, т.е., другими словами, «видением видения». Это значит, что такого рода ментальный процесс основывается на способности сознания к *рефлексии*, т.е. умственному возвращению назад, к уже воспринятому (лат. *re-flecto* «обращаю назад»). Иначе процесс восприятия вообще не может состояться. Он должен быть *осознан*.

Во-вторых, театация, к тому же, призвана не только осознать сам ментальный акт, но её зрительская позиция требует, как уже сказано ранее, *осмыслить своеобразие его индивидуально-ценностного статуса*. Такая «умозрительность» театационного видения вовлекает момент *анализа, умственного осмотра, расследования «вида виденного»*. Важно заметить в связи с этим, что такая семантика имплицитно содержится в контекстах греч. слова *θεα*. Именно благодаря этой семантической потенции данного слова возникли также, наряду с понятием театра, такие интернациональные термины, как: «теория» (*θεωρία* «рассмотрение, исследование; особ. научное или теоретическое познание»), «теорема» (*θεώρημα* «исследованное и доказанное положение, правило, учение»). Но мы вынуждены сейчас обойти вопрос о их семантических различиях, хотя он и существенен в отношении разграничения феноменов театации и познания.

Здесь мы перейдём к вопросу, каким образом театация осуществляет умозрительство, направленное на *аналитическое усмотрение* в текстоментальном продукте его индивидуально-ценностного своеобразия. Для того чтобы осуществить такой анализ, необходимо обеспечить *перевод видимого, как данного, из этого состояния в другое, невидимое*, т.е. умственно решить, насколько и каким образом видимое семантически соответствует некоторым иным, более общим представлениям. Это позволит установить для данной в тексте перспективы видения некое опосредствующее, хотя и заведомо асимметричное, *ментальное зеркало видения*.

Если принять во внимание, что изложенный выше способ действия является прерогативой ментальной процедуры, которую именуют *интерпретацией*, то это приведёт нас к следующему выводу: *единственно возможным и необходимым способом осуществления театационного процесса является, по нашему убеждению, интерпретация*. Поясним: интерпретация способствует отстранению от данной в тексте картины видения и располаганию *между* ней и другими, имеющимися в текстоментальном арсенале теататора, картинами, с которыми производится *соотнесение* данной в тексте перспективы видения как

признака его индивидуальной ценностности. При этом общий театационный процесс остаётся в условиях различных изменений видения на стороне рассматриваемого «данного». Тем самым интерпретация подтверждает свою посредническую миссию: лат. *inter* «между» + *pretium* «ценность». Соучаствуя в качестве *посредника* в *поликартинировании* данного и показывая его в «новом свете», она, вместе с тем, утверждает его в ценностном статусе, усмотренного в его виде. *Так театация и интерпретация становятся нераздельными процессами, взаимообуславливающими друг друга и совместно выступающими необходимыми частями единого ментального процесса. Причём, театация служит для интерпретации «категориальным домом», а предназначением интерпретации является экспликация театации.*

Таким образом, мы выделили комплекс основополагающих для категоризации понятия театации семантических признаков, идентифицирующих и дифференцирующих объём и содержание рассматриваемого термина на фоне общего понятия видения. Эти признаки можно считать *онтологическими*, т.е. сущностными, характеристиками процесса театации.

Другой аспект проблематизации понятия театации связан с его *феноменологией*, т.е. с его *явленностью* в общем ментальном процессе. Здесь таится некое противоречие. С одной стороны, театация, вкупе со своим операциональным способом интерпретации, неотъемлемо сопровождает любой ментальный процесс, т.е. присутствует в нём всегда и везде. Она «привязана» к каждому данному ментальному акту в пространстве и времени и существует только благодаря ему и во имя него. Такие случаи именуют латинским выражением: *ad-hoc-явления* (лат. *ad hoc* «для этого»), обозначающим явления, возникающие только в данной связи, предназначенные только для этой цели. С другой стороны, театация является настолько органичным и само собой разумеющимся признаком ментального, что её существования как явления попросту не замечают. Обычно не замечают то, что происходит *сверх* того, что необходимо в данный момент и в данном месте. В контексте явных ментальных нужд процесс театации не виден. Кажется, что в нём нет никакой прагматической потребности.

Такая несомненная потребность явлена, прежде всего, в ситуациях, когда нам обязательно нужно зафиксировать данное, поскольку оно *эмпирически наблюдаемо*. Мы нуждаемся в том, чтобы через ментальный акт что-то *познать*, получить новую информацию о мире. Мы не можем удовлетвориться также без того, чтобы *понять* содержание того, что выражено в текстовых знаках. Нашу ментальную деятель-

ность постоянно сопровождает непреодолимая тяга к тому, чтобы как-то *оценить* ментальные продукты и выработать к ним *наше отношение*. Более того, ясно, что любой ментальный акт открывает в какой-то мере доступ к *внутреннему миру субъекта*, к его индивидуальному «потoku сознания», и хотя он и не выражен прямо в данном тексте, любой текст есть результат некоторой глубинной работы по отбору мыслей и средств для их вербализации.

Но как осознать в этом многомерном ментальном процессе присутствие и необходимость театации? Может быть, она только мешает сосредоточиться на «насушном» и уводит от него куда-то в сторону? Поскольку ранее мы подчеркнули сущностную связь театации со специальными процедурами интерпретации текста, то для осознания нужности театации следует вновь обратиться к феномену интерпретации. Однако, надо признать, что этот вопрос непростой. Понятие интерпретации, несмотря на его интенсивное использование и обсуждение, всё же продолжает оставаться одним из самых «размытых» и расплывчатых. Этому способствует неопределённость в установлении предназначённости и места интерпретации в общем контексте ментальных процессов. Так, её считают толкованием, объяснением, способом познания, понимания, оценки и т.д., вследствие чего ставится под сомнение собственное содержание этой категории. Бесспорно одно: интерпретация занимает не только отдельное, но и особо значимое, в своём роде, место в ряду универсальных форм мыслительной деятельности. По нашему мнению, она призвана обеспечивать специфические задачи ментального процесса, который мы обозначили термином «театация» и который выступает её «категориальным домом».

Отсюда следует, что театация *как феномен*, с её экспликативным способом, интерпретацией, принадлежит к числу фундаментальных родовых форм ментальной и текстоментальной деятельности человека, наряду с перечисленными выше процессами (наблюдение, познание, понимание, оценочное отношение и выражение внутреннего мира индивидуума). Более того, театация играет свою роль в кругу этих ментальных явлений. Необходимо сопровождая их, она, своей посреднической способностью, снабжает их *мерой подвижной гармонии* и условиями перехода сознания от данного горизонта восприятия мира к *состоянию возвышения* над ним, открывая и «возделывая» вызываемые ею самой черты иных, *новых перспектив видения* данного ментального продукта, как отмеченного качеством *культурологической ценности*.

Причём, *высшим* признаком этого качества является *телеологическая* преданность театации своей коренной позиции, которая заключается в «бескорыстности» и *общеэзначимой надоценочности* видения текста. Эта позиция признаёт достоинство и равные права на существование любого текста в ряду других текстов, в силу индивидуального своеобразия видения, проявляемого в каждом данном тексте.

Подытоживая наши размышления о проблемах театации текста как феномене и как категории, можно сделать общий вывод, касающийся её значимости и несомненной потребности человека в театационной деятельности. Суть рассмотренных проблем заключается в недостаточной теоретической разработанности этой категории, которая, с её интерпретативными механизмами, предполагает такую манеру обращения с ментальными и текстоментальными продуктами, каковая позволит субъекту проявить индивидуальный характер своей «встречи» с данной в тексте перспективой видения. А это, в конечном итоге, решает *экзистенциальную «судьбу»* текста, воспринимаемого посредством театации как самоценность в каждый данный момент и в каждом данном месте его восприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Марова Н. Д. О так называемых текстоменталиях // Актуальные проблемы лингвистики: Урал. лингвист. чтения-2003: материалы ежегодной региональной науч. конф., Екатеринбург, 3-4 февраля 2003 г. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – №16. – С. 86-87.
- Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2 ч. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т ; Ин-т иностранных языков УрГПУ, 2006. – 503 с.
- Марова Н. Д. Театация как предназначение интерпретации // Интерпретация текста как ментальное зеркало видения: сб. науч. трудов. Вып. 3. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 78-92.
- Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 238. – (Мыслители XX в.).
- Marova N. Interpretieren? Deuten? Erklären? (Versuch einer Orientierung) // das Wort. Germanistisches Jahrbuch, 1993. – S. 119-128.